

говорит Семен про друга Князя Холмского:

Мы думали не раз,
Что Пронский пара ей.

Что значит *держать поэта для сумерек одних*, — что значит в Фабриках ума в конце 4-го явления, Князь Холмский и Пронский, не хотя слушаться старшего приказа, не пошли к Княгине Холмской, а в 5-м явлении Саша рассказывает Графине Лелевой, что они оба у Княжны. Это маленькая ошибка Саши, (и не мудрено). Многие выражения Угарова кажутся не должны бы иметь место в такой комедии. — Но если ход пьесы был бы хорош, завязка и развязка — занимательны, характеры выдержаны, то замеченные выше погрешности в стихах не помешали бы ей быть превосходною пьескою.

Аксаков разбирает комедию Шаховского, строго придерживаясь требований нормативной критики. Уже первый его посыл (о том, что существуют два типа комедии) вовсе не самоочевиден, а скорее полемичен. В начале XIX в. был фактически признан уже и третий тип — комедия смешанная (*mixte*), или комедия нравов (*de mœurs*). Именно на этот тип и был нацелен Шаховской. Именно поэтому он и вводил намеки на «современные происшествия» и на известных лиц. Идея комедии как «зеркала» современного общества воплощалась им как своеобразное метонимическое уподобление

сценического мира (в остальном довольно традиционного и условного в его комедиях) реальному. Любопытно, что Аксаков последовательно выступает против всех новаций Шаховского. Против новой концепции комедийного имени, не прямо характеризующего персонажа, а ассоциативно, введением определенного идеологического и историко-культурного контекста. Против разговорности стиха (классический александрийский стих требовал парной рифмовки, отход от этого принципа в «Липецких водах» был, пожалуй, не меньшим шагом вперед, чем исползованный впервые тем же Шаховским «вольный» ямб).

Все это тем более любопытно, что во второй половине 20-х гг. взгляды Аксакова и Шаховского очень сблизятся. В этом первом критическом опыте мы можем наблюдать еще один интересный момент эволюции взглядов раннего Аксакова. Восторженный карамзинист в юности, он испытал затем воздействие идей А. С. Шишкова (см. воспоминания и послание А. И. Казначееву), однако его «русофильские» настроения еще не проникают в сферу поэтики. Его требования к комедии — это требования классического французского образца, новаторство же Шаховского в «Липецких водах» и других произведениях 10—20-х гг. — попытка отойти от этого образца.

К. Рогов

200 лет со дня рождения

1791 5(16) марта 1791 года родился Антон Иванович Зорский-Утренев, критик, прозаик, поэт, мемуарист пушкинской поры, чье творчество еще предстоит открыть современному читателю

«Пока я еще не достиг отроческих годов, за мною ходила *madame*, и в совершенности, как сказано у Пушкина, «затем *monsieur* ее сменил» (...) На прогулках с моим

monsieur мы часто встречали старого графа Салтыкова — не того, что, быв героем Прусской кампании, столь позорно ретировался от достопамятной московской чумы, а фельд-

А. И. Зорский-Утренив

маршала, в ту пору жительствовавшего в Москве и после ставшего московским главнокомандующим. Каждый раз граф останавливал моего *monsieur* и ласково спрашивал: «Чье сие прелестное чадо?» и, когда *monsieur* отвечал, удовлетворенно кивал головою и продолжал свою прогулку. Вспоминаю то, лишь чтобы сказать, что граф, как оказалось, в продолжение долговременного вопроса затвердил мое имя и впоследствии, когда я уже находился на службе в Петербурге, неоднократно спрашивал моего батюшку: «А что, ваш сын уже выучился грамоте?» Быть может, он хотел тем самым выказать, что знает, какой у моего батюшки достойный сын, но никогда не распространялся на сей счет обширнее. Точно, однако, он не желал обидеть».

Эта пространная выписка — из неопубликованных мемуаров некоего А. З., или Л. Муз. Именно так подписывал свои сочинения в печати автор. В недавнее время оба псевдонима породили короткую, но весьма яростную полемику сразу между несколькими исследователями русской литературы XIX в. Некоторые склонны были приписывать псевдонимы Пушкину, а один из спорящих доказывал, что так подписывался Гри-

боедов. Спор был оставлен за отсутствием аргументов.

Ныне же можно твердо сказать, что именно скрывается за этими инициалами. Это Антон Зорский-Утренив. Начальными буквами своего имени и первой части фамилии он и подписывался. Другой псевдоним: Л. Муз — означает Любитель Муз. Сам писатель рассказывал в своих воспоминаниях, что в дружеском и семейном кругу его прозвали просто Муз (без Л.).

Надеемся, что читатель в скором времени сможет познакомиться с мемуарами А. З. Автограф находится ныне во Франции. Праправнучка Зорского-Утренева — Серафима Федоровна Жюзи — любезно предоставила автору этих строк возможность снять копию с хранящихся у нее рукописных материалов, а новоорганизованное издательство «Бета» в деловом содружестве с французской фирмой «Дю Пер» согласилось издать мемуары с приложением ряда критических статей и стихотворений А. З., печатаемых частью по сохранившимся автографам, частью по публикациям 1810—1820-х гг. С позволения наследницы и издателей мы включили отрывок из воспоминаний А. З. в эту статью.

Подробности жизни Зорского-Утренева читатель узнает сам, познакомившись с его мемуарами. Мы же остановимся на творческой биографии А. З. Родился он в Москве в образованной и просвещенной семье. К сожалению, утрачена та часть мемуаров, в которой рассказывается о родословной героя, и в частности о ближайших старших родственниках. По ряду косвенных признаков, однако, можно установить, что отцом его был, видимо, Иван (Ян) Зорский, переселившийся из Варшавы в Москву в 1760—1770-е гг. (дом Зорских находился у Покровских ворот), — автор полонеза, послужившего впоследствии образцом для знаменитого «Полонеза» М. Огинского. А. З. получил изрядное домашнее образование (после *monsieur* — еще полк учителей), завершив его в Москов-

ском университете (впоследствии он был принят в почетные члены Общества любителей словесности при университете, и председатель Общества М. Н. Загоскин пригласил его выступить на заседании с публичной лекцией — это было в 30-е гг.). В конце 1800-х гг. А. З. переезжает в Петербург, поступает в коллегию иностранных дел. Но — «службу вдруг оставил» и избрал свободный образ жизни. Именно на рубеже 1810—1820-х гг. в его доме составил кружок молодых людей, упражнявшихся в изящной словесности. К сожалению, А. З. зашифровал имена участников этого кружка инициалами, раскрыть которые не легко. У одного из членов этого литературного общества, по словам А. З., хранились протоколы их собраний. Где эти протоколы, увы, неизвестно. Но факт, что наряду с «Беседой любителей русского слова» и «Арзамасом», как раз в пору словесных баталий архаистов и новаторов, сторонников Карамзина и сторонников Шишкова, существовал некий доселе неизвестный кружок, деятельность которого предстоит изучить.

После распада кружка (это произошло еще до «грозы 12-го года») А. З. женился и уехал в подмосковную, где предавался занятиям словесностью и управлением обширным хозяйством (оно, однако, приносило мало дохода). Свои произ-

ведения А. З. публиковал весьма редко, причем, несмотря на явно карамзинистскую ориентацию, не пренебрегал и «Вестником Европы». Среди его сочинений, безусловно, лучшие (замечательно, что он сам не считал их чем-то особенным в своем творчестве) — известная элегия, ставшая впоследствии основой популярного романа: «Жизнь моя сложилась безрассудно крайне...»; прозаический диалог «Нечто о Батюшкове» (написан вскоре после известия о кончине поэта — около 1855—1856 гг.) и одна из лучших и по сей день рецензий на «Горе от ума», где А. З., изящно сопоставляя сочинение Грибоедова с комедиями Шаховского, Загоскина и Хмельницкого, доказывает, что благодаря искусному соединению в роли Чацкого амплуа неудачливого любовника и резонера возникает потрясающий по своей абсолютно некомедийной (а почти трагической) силе образ главного героя.

Многие свои ненапечатанные произведения А. З. поместил в качестве приложений к мемуарам, и современному читателю предстоит еще оценить свойственную им причудливую смесь архаической эстетической закваски и смелого новаторства, иногда в духе едва ли не XX столетия, тонкого литературно-критического вкуса и четкой лаконичности глубокомысленных суждений.

В. О. Ксепма

200 лет поэме

1791 200 лет тому назад была напечатана поэма Николая Александровича Львова «Русский 1791 год»

«Кого благодарить за сию пиесу? — писал издатель журнала «Муза» И. И. Мартынов, переиздавая у себя поэму «Русский 1791 год». Поэма была вновь напечатана под названием «Зима» в первой части журнала за 1796 год анонимно. — Я надеюсь, что всяк будет повторять со мною сей вопрос, прочитав оную». «Кого

благодарить» читателю предоставлялось решать самому.

Начало последнего десятилетия XVIII в. Второй год революции во Франции. Блестящие победы русского оружия. Взятие крепости Измаил, битвы при Фокшанах, на Рымнике. Война завершается Яским миром, приобретением северно-